

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>

Норма-предписание и норма-предложение: соотношение понятий

Шафиров Владимир Моисеевич

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, vshafiroff@gmail.com

Аннотация. В правоведении устоялся взгляд на любую норму как должное, обязательное, подкрепленное государственным принуждением предписание. С таким видением согласиться нельзя. В Конституции Российской Федерации особо выделены высшая ценность человека, его права и свободы, которые являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов. Положения о правах и свободах не вписываются в узкие рамки нормы-предписания. Не учет этого ведет к ошибкам в право-творчестве и правоприменении. Обосновывается необходимость выделения в качестве самостоятельного правила наряду с нормой-предписанием (закрепляющей обязанности) норму-предложение (закрепляющей права и свободы). В статье проводится их сравнительный анализ, делается вывод, что ни одна из норм не может претендовать на роль родового понятия. Они виды общего понятия «норма права».

Ключевые слова: право, права, свободы, обязанности, норма права, норма-предписание, норма-пред-ложение

Для цитирования: Шафиров В. М. Норма-предписание и норма-предложение: соотношение понятий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 53–58. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>.

Original article

Prescription norm and statement norm: correlation of concepts

Vladimir M. Shafirov

National Research Nizhny Novgorod State University N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russian Federation, vshafiroff@gmail.com

Abstract. In jurisprudence there is a firm view on any norm as a compulsory, mandatory citation, which is backed by unlawful force. One ought not to assent to the opinion. The Constitution of the Russian Federation emphasizes the highest value of a person, his rights and freedoms. Rights and freedoms are directly applicable, governing import of the law, its purview, and administration. Legislative acts concerning rights and freedoms are out of narrow bounds of regulatory provisions. Failure to take this into account leads to mistakes in law-making and law enforcement. The necessity of distinguishing statement norm (fixing rights and freedoms) as an independent rule, along with prescription norm (fixing duties), is explained. In the article, their comparative analysis is made, the conclusion is generalized that none of the norms can claim to be a generic concept. They are types of the general concept of legal norm.

Keywords: law, rights, freedoms, obligations, legal norm, prescription norm, statement norm

For citation: Shafirov V. M. Prescription norm and statement norm: correlation of concepts. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 4 (64), pp. 53–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-4-53-58>.

В научной и учебной литературе распростра-нено мнение, что «живой», реальной клеточкой системы права является норма-предписание. Именно она и закрепляется в текстах право-вых документов. Причем норма-предписание

практически выдается за родовое понятие. По мнению Н. Н. Вопленко, нормативное право-вое предписание «...является более широким и родовым понятием, в то время как норма пра-ва — особая его разновидность» [1, с. 213].

© Шафиров В. М., 2023

Норма-предписание определяется как государственно-властное, общеобязательное, формально-определенное правило поведения, имеющее представительно-обязывающий характер, обеспеченное государственным принуждением. Выделяются следующие признаки нормы-предписания:

1. Государственно-властное предписание, то есть независимо от словесной формулировки, в которой выражена та или иная правовая норма (закрепляются в ней права или обязанности), она всегда представляет собой властный императив государства относительно возможного и должного поведения людей.

2. Общеобязательность. Этот признак исходит из того, что любая норма по содержанию своего предписания есть настоятельное требование неукоснительной ее реализации (использование, соблюдение, исполнение). Отсюда утверждение — всякая норма несет на себе печать необходимого и должного.

3. Представительно-обязывающий характер. Иными словами, всякая норма права имеет указание на права и обязанности. Аргумент такой: права не могут существовать без корреспондирующих им обязанностей и, наоборот, обязанности не мыслимы без соответствующих им прав.

4. Формальная определенность. Она означает, что норма закрепляется в официальных юридических источниках, является строго формализованным правилом поведения, с конкретным, точным описанием должных и возможных действий (бездействий). Следовательно, формально правильное может быть несправедливым: «Закон суров, но это закон».

5. Принудительный характер реализации. Для нормы-предписания такой признак оправдан. Конечно, модель должного поведения ориентирована, прежде всего, на добровольное осуществление обязанностей. Это сглаживает категоричный (приказной) характер нормы-предписания. Иное дело, когда нормы, устанавливающие обязанности, не соблюдаются и не исполняются, то есть нарушаются. В таких случаях без мер государственно-правового принуждения не обойтись.

Такое видение нормы-предписания сформировалось в рамках теории позитивного права, ее важнейшего направления — нормативной школы правопонимания. Однако оно не учитывает изменения, которые произошли после принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации. В ней заложены не только идеи юридического позитивизма, но и «...достаточно

четко сформулированы... концептуальные основы, базирующиеся на естественно-правовом подходе к пониманию права» [2]. Конституционная концепция правопонимания имеет четко выраженный интегративный характер [3]. В Основном правовом документе страны установлено: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (ст. 2); «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17); «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими; «они определяют смысл, содержание и применение законов...» (ст. 18).

Изложенные конституционные положения о правах и свободах не вписываются в узкие рамки нормы-предписания. О нормах предписаниях можно говорить только относительно к обязанностям. Возникает очевидный вопрос: «Правильно ли считать, что всякая норма права — это норма-предписание»? Безусловно, нельзя. Следовательно, норму-предписание не оправдано отождествлять с нормой права как родовым понятием, поскольку в должном затеваются права и свободы, что не приемлемо.

Для раскрытия правила поведения, закрепляющего права и свободы следует использовать понятие «норма-предложение» или «управомочивающая норма». Управомочивающая норма — определенное правило предложение, наделяющее субъектов посредством формулировок «вправе», «может» свободой распоряжаться своими правами, обеспеченное обществом и государством. Признаки управомочивающей нормы:

1. Правило-предложение. Оно не является жестким императивом, приказом к подчинению, не предписывает каких-либо действий (бездействий) тем, кому адресованы права и свободы, не ограничивает их поведение. Управомочивающая норма лишь содержит выверенные ориентиры желательного, предпочтительного и выгодного для субъектов поведения.

2. Определенное правило поведения. Во-первых, в нем закрепляются только права, свободы. Во-вторых, определенность прав и свобод может быть, как полной (из нормы четко вытекает содержание, объем прав и свобод), так и относительной. В частности, это относится к конституционному правилу о непосредственном действии прав и свобод. Их признание, соблюдение защита должна проводиться независимо от того, конкретизированы, содержащие их принципы и нормы Конституции в отраслевом законодательстве или нет.

3. Побуждает субъектов посредством мягких формулировок: «вправе», «может» свободно проявлять свою волю, действовать правомерно, то есть активно распоряжаться своими правами. Здесь работает не властный императив, а доверие государства к личности.

4. Реализация правила предложения непосредственно зависит от признания и принятия ее субъектом, а, следовательно, от его развитого внутреннего правового настроя. Тем самым эффективность «работы» управомочивающей нормы напрямую связана с ее способностью воздействовать на субъективную сторону поведения. Одного внешнего, формального закрепления в норме прав и свобод недостаточно, поэтому ошибочно мнение, что для права, его норм безразлично, из каких внутренних побуждений реализует их индивид. Напротив, важно, чтобы, используя права и свободы, зафиксированные в норме, субъекты действовали инициативно, разумно и добросовестно. В части 5 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что «добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются», поэтому норма-предложение регулирует как внешнее, так и внутреннее поведение людей.

5. Обеспечивается обществом и государством. Обеспечительную роль выполняют, как отдельные члены общества — личности, так и социальные институты. Внутренняя готовность личности (адресата, носителя прав и свобод) к правомерному, а желательнее к активному правомерному действию — главное обеспечительное условие (средство) жизнеспособности управомочивающей нормы. Личностный обеспечительный аспект действенности нормы-предложения связан также с поведением обязанной стороны правоотношения. В обеспечении эффективной реализации норм-предложений участвуют социальные институты (например, общественные организации, политические партии и т. д.) и государство, в лице своих органов. Их гарантирующее воздействие является не ограничивающим или принуждающим, а положительно побуждающим. В этих целях применяются позитивные средства обеспечения (моральное, правовое стимулирование, содействие правомерному поведению, нравственное и правовое обучение и воспитание и т. д.). В защите прав особое место занимает государство. Ему принадлежит решающее значение в применении, например, юридической ответственности. Она необходима для восстановления нарушенных прав, возмещения вреда потерпевшему.

Итак, правовое принуждение нельзя считать универсальным признаком нормы права. Оно недопустимо в отношении тех, кто отказывается следовать нормам, закрепляющим права и свободы.

Теперь относительно признаков формальная определенность и представительно-обязывающий характер. Формальность, добавляемая к определенности при характеристике нормы-предписания, ничего полезного не вносит. Да, с одной стороны, формальный означает свойственный форме, согласный с формой, характерный для нее. Но, с другой стороны, формальный — это далекий от истинного смысла, дающий предпочтение форме над содержанием. В результате создается ложное представление о главенстве нормы (формы), над содержащимися в ней правами и обязанностями. Что и ведет к буквоедству, формализму и ошибкам в толковании и применении норм. Настала пора отказаться от неудачного позитивистского признака «формальная определенность».

Вызывает критическое отношение признак: представительно-обязывающий характер нормы. Его смысл сводится к тому, что права и обязанности должны совмещаться всегда только в одной правовой норме. Надо различать реально имеющий место элемент содержания нормы-предложения (права) и виртуальный (воображаемый — обязанности), который, безусловно, должен быть закреплён, но уже в самостоятельных обязывающих (запрещающих) нормах. Так, управомочивающей норме (ст. 37 Конституции Российской Федерации), устанавливающей право на оплачиваемый ежегодный отпуск, корреспондирует обязывающая норма (ст. 122 Трудового кодекса Российской Федерации), в которой указано, что «оплачиваемый отпуск должен предоставляться работнику ежегодно», поэтому более предпочтительно говорить не о представительно-обязывающем характере управомочивающей нормы, а о признаке системности права, который и связывает между собой различные по содержанию юридические правила поведения. Благодаря системности и происходит связь, взаимодействие разных по содержанию (закрепляющих права и обязанности) юридических правил поведения.

Отличаются нормы-предписания и норма-предложение по элементам структуры. Здесь более заметно различие по диспозициям и санкциям. Диспозиция нормы-предписания определяет конкретные обязанности субъектов, возникающие при наличии предусмотренных в гипотезе условий. Санкция нормы-предписания

с позиций конституционного (естественно-положительного) правопонимания должна быть двух видов: негативная санкция и положительная санкция. Негативная санкция устанавливается за несоблюдение и неисполнение обязанностей и влечет неблагоприятные последствия (юридическая ответственность). Позитивная санкция нормы-предписания устанавливается за добросовестное и активное исполнение (соблюдение) обязанностей и влечет заслуженные благоприятные последствия. Например, в части 1 статьи 75 УК РФ установлено, что «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным». Здесь освобождение от уголовной ответственности предусмотрено в качестве меры поощрения за активное правомерное поведение обязанного лица (правонарушителя).

Диспозиция нормы-предложения определяет права и свободы субъектов, возникающие при наличии предусмотренных в гипотезе условий. Позитивная санкция нормы-предложения устанавливается за активное правомерное поведение, за которое предусмотрены заслуженные благоприятные последствия. Ее предназначение — поддержать, поощрить добровольное, добросовестное, инициативное, творческое использование прав и свобод как в своих личных, так и общественных интересах, поэтому она может быть только позитивно-побуждающей. Примером может служить Указ Президента Российской Федерации от 7 сентября 2010 года № 1099 (редакция от 19 ноября 2021 года) «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации», в соответствии с которым: «...Орденом Почета награждаются граждане Российской Федерации: за особо плодотворную..., благотворительную и общественную деятельность». Здесь орденом награждаются граждане, плодотворно занимающиеся благотворительной и общественной деятельностью. Такая деятельность не относится к обязанности, ее проведение строится на добровольной, самостоятельной основе и является правом гражданина.

Негативная санкция в норме-предложении (в отличие от нормы-предписания) отсутствует,

поскольку, как уже указывалось ранее, принуждать к реализации прав и свобод нельзя.

Есть разница в классификации соотносимых норм. Особенность норм-предписаний проявляется, в частности, по таким критериям: степень жесткости регулирования и по форме выражения поведения. По первому основанию самый жесткий вариант — выделение абсолютно-императивных норм-предписаний. Это категоричные, строго обязательные правила, не допускающие отклонений от установленных в них вариантов действий (бездействий), выражающиеся в формуле: «Только так, а не иначе». Такие абсолютно-императивные нормы-предписания имеются в трудовом, семейном, земельном законодательстве, однако преобладают в уголовном и административном законодательстве. По форме выражения поведения нормы-предписания делятся:

а) на обязывающие, то есть требуют совершать положительные действия. Например, в соответствии со статьей 60 Воздушного кодекса Российской Федерации «командир воздушного судна, принявший сигнал бедствия от другого воздушного судна, морского судна или судна внутреннего плавания, а также обнаруживший судно, терпящее или потерпевшее бедствие, зону экологического бедствия либо находящихся в опасности людей, обязан оказать помощь, если это не сопряжено с опасностью для вверенных ему воздушного судна пассажиров и экипажа, отметить на карте место (зону) бедствия и сообщить об этом соответствующему органу обслуживания воздушного движения (управления полетами)»;

б) запрещающие (запреты), то есть требуют не совершать определенных общественно опасных действий. Например, в статье 27 Лесного кодекса Российской Федерации установлено, что «...допускается установление следующих ограничений использования лесов:

1) запрет на осуществление одного или нескольких видов использования лесов, предусмотренных частью 1 статьи 25 настоящего Кодекса;

2) запрет на проведение рубок...».

Нормы-предложения не могут быть императивными. Они содержат права и свободы, которые формулируются словосочетаниями «вправе», «имеет право», «по своему усмотрению». Отсюда требовать использования прав и свобод не допустимо. Главной разновидностью норм-предложений является их вычленение в зависимости от уровня индивидуального правового регулирования (саморегуляции). По данному критерию управомочивающие нормы можно

разделить на следующие группы: определенные управомочивающие нормы; управомочивающие нормы, позволяющие выбор вариантов поведения; управомочивающие нормы, позволяющие свою конкретизацию в зависимости от сложившейся ситуации (ситуационные); управомочивающие нормы, позволяющие принятие правила поведения, отличного от имеющегося (диспозитивные нормы); рекомендательные нормы.

Проделанный сравнительный анализ дает основание утверждать, что не любая норма проявляет себя как должное, подкрепляемое государственным принуждением, обязательное правило поведения. Только юридические нормы, закрепляющие обязанности, и могут быть названы общеобязательными предписаниями. Нормы, содержащие права, предписаниями должного не являются.

Непринятие во внимание отличительных особенностей норм-предписаний и норм-предложений приводит к ошибкам в правотворчестве и правоприменении (умалению прав, отождествлению прав и обязанностей, не правильному выбору способа правового регулирования, неверному определению, когда лицо управомочено, а когда оно обязано и т. д.). В частности, вызывает недоумение предложенная законодателем модель выбора способа управления многоквартирным домом (или иначе способа правового регулирования). В части 2 статьи 161 Жилищного кодекса Российской Федерации установлено: «Собственники помещений в многоквартирном доме **обязаны** (выделено мной. — В. Ш.) выбрать один из способов управления многоквартирным домом...». Выбор, прежде всего и главным образом, связан с правами, то есть дозволением.

Возьмем пример из правоприменительной практики. Гражданин Г. купил лодку в интернет-магазине, но она оказалась с браком. Между ним и продавцом возник спор о том, кто должен доставить некачественный крупногабаритный товар. Городской суд поддержал гражданина, но апелляционная и кассационная инстанции встали на сторону продавца. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила определения апелляционной и кассационной инстанций. В определении Судебной коллегии (от 23 марта 2021 года № 57-КГ20-16-К1) разъяснено: «...Положения статьи 18 Закона о защите прав потребителей не содержат обязанности покупателя по направлению за свой счет продавцу некачественного товара для его

проверки. При этом направленное Г. предложение о доставке лодки продавцу для проверки ее качества не является доказательством исполнения ответчиком обязанности по надлежащей организации за свой счет доставки крупногабаритного товара к месту проведения его проверки. Напротив, данная обязанность лежит на продавце, в связи с чем вывод суда апелляционной инстанции о том, что истец, злоупотребив своим правом, лишил продавца возможности своевременно организовать проверку качества товара, является незаконным и противоречит приведенным нормам права, содержащимся в Законе о защите прав потребителей».

Из процитированного определения Верховного Суда Российской Федерации следует, что вышестоящие к городскому суду инстанции неверно истолковали управомочивающую норму, неправильно определили, какому лицу принадлежат права, а какому обязанности. Права же принадлежали по Закону покупателю, поэтому, если ему неудобно и затратно доставлять бракованный товар, то он может это не делать.

Приведенные примеры из Закона и правоприменительной практики, хотя и по-разному, но в очередной раз доказывают «живучесть» восприятия всякой правовой нормы в качестве обязательного предписания.

Таким образом, норма-предписание и норма-предложение самостоятельные правила поведения. Каждое из них имеет свое содержание, особенности структуры, виды и предназначение в регулировании общественных отношений. Они друг друга не заменяют и не дублируют. Однако ни одна из норм не может претендовать на роль родового понятия. Они лишь виды нормы права вообще, которая и является родовым понятием. Несмотря на различия, на них распространяются общие черты, присущие понятию «норма права» в целом. Можно дать следующее определение норме права — закрепленное (санкционированное) в статье официального юридического источника общее, определенное, структурно организованное правило возможного и должного поведения, обеспеченное обществом и государством.

Список источников

1. Вопленко Н. Н. Очерки общей теории права: монография. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. 898 с.
2. Ершов В. В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: монография. Москва: РГУП, 2018. 625 с.
3. Зорькин В. Д. Конституционно-правовое развитие России. Москва: Норма: ИНФРА, 2011. 719 с.

4. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–19.

5. Шафиров В. М. Интегративное правопонимание и жесткий позитивизм // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 24–33.

2. Ershov V. V. Legal and individual regulation of public relations: monograph. Moscow: RGU Publ., 2018. 625 p. (In Russ.)

3. Zorkin V. D. Constitutional and legal development of Russia. Moscow: Norma: IN-FRA Publ., 2011. 719 p. (In Russ.)

4. Lazarev V. V. Integration of law and implementation of integrative approaches to law in court decisions. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 5–19. (In Russ.)

5. Shafirov V. M. Integrative legal understanding and hard positivism. *Journal of Russian Law*, 2017, no. 7, pp. 24–33. (In Russ.)

References

1. Voplenko N. N. Essays on the general theory of law: monograph. Volgograd: VolGU Publ., 2009. 898 p. (In Russ.)

Информация об авторе

В. М. Шафиров — доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author

V. M. Shafirov — Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 12.12.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 12.12.2023.